

РЕЗЮМЕ

Итак, мы рассмотрели аспекты народной религии чувашей, которые до сих пор оставались в тени таких строжневых проблем, как обряды и верования. В качестве основных аспектов в системе малоизученных рассматривались жертвенные дары, вещь и флора и фауна. Подведем краткие итоги нашего исследования.

В религиозных обрядах и верованиях чувашей жертвенные дары в основном подразделяются на жертвы растительного происхождения, жертвы животного происхождения и жертвы возлиянием.

В числе жертв растительного происхождения выделяются жертвы-полуфабрикаты (солод, крупа, мука и др.) и готовые продукты (лепешка, хлеб, салма и др.). Как правило, из солода ничего не готовят, а приносят его адресату в натуральном виде в комплексе с другими субпродуктами и предметами-жертвами. Так, чтобы избавиться от хвори, хозяину местности приносят жертвы в два раза больше, чем было подкинута предметов с целью порчи, или универсальный дар — комплект из солода, крупы и хмеля. В комплексе с другими предметами солод, как правило, используется для приготовления пива. Крупа используется во многих видах обрядности, однако *Учук*, инициирование дождя и *сёрен* без крупы вообще не могут быть проведены. В общесельских и межсельских обрядах крупу, как правило, используют для приготовления каши для совместной еды. В основном крупу собирают из каждого дома. Знаковое выражение муки исключительно высоко. Известно, что в макрообрядах типа *Киремет* и *чүк* мукой подбеливают жертвенных животных не белого цвета, что служит знаком чистоты, угодности божествам. Осыпание мукой молодоженов и участников свадьбы, прятанье покрывала в муке — знак плодородия. Лепешка для повседневного употребления и лепешка ритуальная различаются, даже внешне. Хлебная обрядовая лепешка имеет на поверхности узоры, называемые в народе «пупок–нос». Другое обобщающее название этих узоров — «лепешки с зарубками». Трудно назвать обряд, где бы ни использовался хлеб. Однако в качестве неотъемлемого жертвенного дара он выступает в *чүк*леме, на свадьбе и в *юна*. На миску с кашей вокруг кладут ложки, в середину — масло, а сверху как бы покрывают ее непечатым хлебом. Так, например, выглядит начало обряда *чүк*леме, посвященного новому урожаю. *Салма* — разновидность клецек из пресного теста. По типу приготовления клецки бывают «оторванные» и «резаные». Наиболее часто встречается в ритуалах *ларма*, «Девичья салма» и *ака пйтти*.

В главе «Жертвы животного происхождения» рассматриваются такие аспекты, как «Части тел животных» и «Продукты». Существует несколько способов обращения с костями. В ритуале, посвященном божеству *Киремет*, например, более крупные кости собирают и, связав, вешают на дерево. Видимо, можно говорить о параллелях в обращении с костями жертвенных животных и спосо-

бах захоронения человека у чувашей. Так, подвешивание костей может символизировать воздушное погребение, а сжигание костей — сожжение умершего, закапывание костей — похороны в могильных ямах. Согласно логике, выбрасывание и оставление костей на месте — рудимент наземного захоронения. Голова как центр жизненных функций является наиболее важной частью жертвенного животного. Особенно ярко это проявляется в действиях обряда *юна*. Иногда ее оставляют около символического мостика, построенного специально в начале оврага по пути на кладбище. Крылья упоминаются в контексте обращения к божествам высшей иерархии — *Турӑ* и *Пирӑшши*. Жертвователю подчеркивает, что, проводя моление, он приносит божееству крылатую птицу. При обливании птица должна встряхнуться, иначе это означает, что жертва не угодна божееству. Яйцо также выполняет смысловую нагрузку, что выражается через конкретные действия-обращения (разбивание, бросание, окрашивание и т.д.). Так, основные этапы жизни человека (такие, как появление на свет, свадьба и уход из этого мира) сопровождаются обрядовыми действиями, условно называемыми «разбивание яйца над головой». Иначе говоря, рождение, выход замуж и переход в иной мир — по сути инициационные рубежи, переступить которые означает переход ранее существовавшей души в иное качество, приобретение нового статуса. В системе ритуальной культуры чувашей наиболее «мясным» жанром по праву можно считать обряд *юна*. *Учук* и *Киремет* также отличаются от остальных обрядов привязанностью к мясным блюдам. Отсутствие примеров, где мясо может быть заменено, видимо, говорит о более позднем использовании мяса в качестве жертвенного дара. Масло (коровье, сливочное, топленое) входит в перечень продуктового набора для приготовления обрядовой пищи, особенно каши. Форма жертвоприношения, помимо приготовления ритуальной еды на масле, может выражаться в угощении божеств и духов маслом. В использовании масла в ритуальной ситуации выражается стремление перенести качество масла на объект или действие.

Среди жертв возлиянием выделяются водка, пиво и мед. Согласно зафиксированным источникам, водка в обряде *юна* используется чаще, чем в остальных ритуалах. Из всех совместимых с жертвенным вином продуктов особенно выделяется пиво. Приготовление в старину вина в домашних условиях (напиток из пива и меда, корчма и др.) не предполагало крепкого алкоголя. Приготовление пива в определенном количестве приурочивалось к конкретному ритуалу. Независимо от вида обряда новое пиво вначале пьют в честь *Турӑ*. Адресатами также являются духи предков и старики. Мед и медовые напитки находят широкое применение в ритуалах. Мед занимает исконное место и признается незаменимым. Это пища божеств, угощение для самых близких, он вызывает взаиморасположение.

Монеты и фигурки-куклы также занимают важное место в составе предметов-даров.

Говорить о том, что народу был нанесен большой ущерб из-за жертвоприношений, не приходится, так как все съедалось участниками обряда, хотя жертвоприношения и сопровождались большими расходами (корова, лошадь, бычок

и т.д.). Если рассматривать ситуацию с рациональной точки зрения, то следует сказать, что в качестве жертвы отделяли небольшие кусочки, кости, перья оставляли/сжигали. С точки зрения ментальности общества приобретало духовность, становилось более сплоченным, единым. Участники совместной трапезы практически становились родственниками на всю жизнь. Остается лишь жалеть, что ничего подобного в наше рациональное время не происходит. Поэтому можно констатировать, что участники крупных жертвоприношений ничего не теряли, а наоборот, приобретали.

Также можно говорить о жанрах *Учук* и *юна* как о наиболее «активных» в плане использования жертв. Жертвенные ритуалы отличаются детальной регламентацией, поскольку божества и духи непременно откликаются добром, если жертва приносится с соблюдением всех правил. В целом, проанализировав виды, характеристики и семантические аспекты жертв, можно сделать вывод о том, что хозяйство чувашей носило оседлый земледельческо-скотоводческий характер. Хотя данная работа и не ставит целью этногенетическую характеристику, с непредвзятыми фактами следует считаться. Например, настоящее исследование позволило сделать вывод о типологических, генетических и контактных аналогиях, прежде всего с марийцами, удмуртами и русскими, а также с народами древней Передней Азии.

Мир вещей в религиозно-обрядовом контексте проявляется иначе, чем в обычной бытовой ситуации. Одежда интересовала нас не с рациональной, а с иррациональной точки зрения. Утварь, упряжь, принадлежности рукоделия, мебель — эти классы вещей, как выяснилось, отличаются особой ритуальной активностью.

Одежда сама по себе — предмет исследования материальной культуры. Однако в аспекте обрядности она вызывает интерес как явление духовной культуры. Основная задача этой работы — изучение народной одежды в контексте обряда. Платку придаются широкие знаковые функции. Например, согласно свадебным песням, повзрослевшие девушки после стирки белья свой платок вывешивали на ворота со стороны улицы. Парень, желая указать на свою возлюбленную, говорил, что хочет иметь этот платок. *Сурпан* фигурирует уже на сватовстве, когда оговаривается количество выделяемых подарков от имени невесты. Его основное назначение — покрывание волос женщины. Для исследователей культуры представляет интерес наименование отвала деревянной сохи, который, как и женский головной убор, называется *сурпан*.

В источниках XVIII–XXI вв., используемых нами, речь идет о деревянных ковшах с ручками. Вручение ковша пива выделяет обладателя, указывает на его социальный статус, делает его полноценным участником ритуала. Замешанный в ковше раствор способен обновить «испорченный» организм. В общесельских обрядах используется несколько котлов, которые позволяют варить отдельно легкие и печень, отдельно — сердца, отдельно — конину, телятину, гусей и уток. Сваренное мясо вытаскивают и кладут на рогожу или скатерти, а в бульон заправляют крупу. Кроме того, по количеству котлов на месте пекут лепешки с «носом» и «пупком». Ярким примером использования ведра является обряд

вызывания дождя. Молодая, впервые идущая к роднику за водой, как правило, три раза подряд роняет ведро с водой, только потом черпает и идет домой, где принесенная ею вода используется для приготовления супа. Пустое ведро имеет отрицательную семантику по отношению к норме.

Ритуальный удар нагайкой всегда имеет только символический характер. Поэтому удар можно нанести платком, прутиком и нагайкой, сделанной из соломы. Главное — троекратно ударить и обеспечить очищение человека, дома, строений. Семантическую нагрузку хомута можно увидеть только в обрядовом контексте. Сквозь него смотрят девушки, чтобы увидеть суженого; он указывает на нецеломудрие невесты (если одеть хомут на шею свата или родителя), его надевают вору на шею (чтобы оторгнуть человека от деревни). Эти и другие примеры призваны провести черту между «этим» и «тем» обществами, шире — мирами. Узда — средство управления и символ целого. Владение уздой равнозначно владению лошадью. Отсутствие узды в руке означает отсутствие орудия управления и самого коня.

Согласно народной классификации, хорошие деревья — это те, которые взял под свое покровительство *Туря* (дуб, орешник, сосна, ель, яблоня, вишня и др.), а плохие как бы принадлежат *Усалу* (шиповник, крушина и др.). Учитывая такое деление, чувашаи вокруг домов сажают ветла, а осин и тополей избегают. Святилища и другие наиболее сакральные места у чувашей расположены на полянах, окруженных деревьями. В некоторых заговорах и молениях встречаются сложные названия божеств *туря*, включающие в свой состав номинацию березы. Береза семантически соотносится с женщиной и иным миром. Образ березы, связанной с иным миром, встречается в этом значении в песнях рекрута. Дуб способен вернуть человека в исходное — здоровое и сакрально чистое — состояние. В ряде текстов понятия «дерево дуб» и «Божество дуб» синонимичны. Имеет место отождествление понятий «дуб» и «мужчина». Горох в ритуальном контексте часто служит угощением молодежи. Такие природные свойства гороха, как множественность, способность разбухать при замачивании и быть крепким при жарке, использовались в обрядах с установкой на воздействие продуцирующей магии. Горох употреблялся в обрядах *сурхури* и манипуляциях для избавления от бородавок. Хмель в натуральном виде служил угощением и умилостивлением божеств и духов. В адрес давно умерших и полузабытых родственников вместо пива на место клали набор субпродуктов, включающий хмель. В других случаях хмель использовался для приготовления пива. Полба имела свое сакральное значение, поэтому до начала XX в. она занимала значительное место на полях. Полбяные каши использовались в ритуалах *чүклем*, она посвящалась божествам *Карта* и *Йёрёх*. Зерно полбы символизировало женское начало.

В традиционных верованиях собака воспринималась чувашами положительно: ею клялись, ей слагали похвалу, составляли правила обращения с нею. Ее расценивали как средство доставки жертвенного дара духам предков. Источники говорят о тесной связи собаки с верховным божеством *Туря*. Лошадь — наиболее почитаемое животное, в важнейших жертвенных приношениях используется в качестве главного дара. Лошадь в жизни земледельца занимала особое

место. В обрядах индивидуального порядка лошадь выступает веским залогом. Бык — символ силы, плодородия, верховности; в жертвоприношениях воспринимается как один из важнейших даров; в ритуалах символизирует земледельчество. Наиболее ценным даром божеству *Турӑ* считается именно это домашнее животное. Типичный ритуал, где бык является жертвенным животным, — это *Учук*. Вне зависимости от значения животной жертвы в ритуалах domestикация не может свидетельствовать о ведущей роли животноводства в хозяйственно-культурной деятельности у предков чувашей. Скотоводство сопутствовало зерновой и корнеплодной культуре в жизни чуваша, а скот служил тягловой силой в изнурительной работе земледельца и обеспечивал питание.

В ряду вольных/диких животных в контексте народной религии чувашей выделяются волк, медведь и змей. В культовых представлениях многих народов волк является предшественником собаки. Он тесно связан с божеством *Пихамтар*: его называют собакой *Пихамтара*. Среди чувашей до сих пор распространены родовые и фамильные прозвища *Кашкӑр* — «Волк». Бытуют легенды о похищении медведем женщины и последующей их совместной жизни. Желая сыну медвежьего здоровья, его нарекали именем *Уна* — «Медведь». Культ медведя хорошо сохранился в новогоднем обряде «вождения медведя». Образ змея связывается со временем первотворения. По представлению чувашей, змей живет в каждом доме и считается покровителем двора. В речи старшего дружки он представляет собой преграду на пути.

Флора и фауна, отраженные в традиционных обрядовых представлениях, мифологии, пантеоне в форме зоофитолатрии, дает основание оценить мировоззрение чувашского народа как религию Природы.